

¹Новосибирский государственный
технический университет,
г. Новосибирск

²Университет Хоккайдо,
г. Саппоро

РУССКИЙ НЕКРОПОЛЬ В ЯПОНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Статья посвящена историографическому обзору литературы, посвященной изучению истории русского некрополя в Японии и перспективам дальнейшего исследования этой тематики. Характеризуются условия повышения интереса к теме истории русского некрополя за рубежом. Дается определение исторического некрополя. Выявлены основные исследования японских и российских историков. Представленный обзор построен по хронологическому принципу. Сделан вывод о слабой степени изученности истории русского некрополя в Японии вплоть до конца XX в. и повышении актуальности этой тематики в последние три десятилетия. Показана преимущественная исчерпанность темы в рамках традиционной некрополистики. Предложены возможные варианты дальнейшего изучения истории русского некрополя в Японии в контексте *Memory studies*, а также с применением подходов культурной антропологии, социальной истории и политических наук.

Ключевые слова: некрополистика, русский исторический некрополь, историческая память, культурно-историческое наследие, культурная антропология, Япония.

Введение. Современность нередко называют «мемориальной эпохой». Сегодня внимание общества и государства, как никогда, приковано к проблемам увековечения памяти о прошлом, актуальном для различных социальных групп и политических субъектов. Мемориальный бум проявляется и в повышенном внимании к памятным местам, проблемам сохранения и изучения культурно-исторического наследия. В этих условиях актуализируются проблемы русского исторического некрополя, который, в силу социально-политических и культурных причин, подчас лучше сохранился к началу XXI в. за рубежом, нежели в самой России. В советское время государство охраняло лишь могилы вождей, героев войн и некоторых, лояльных власти деятелей культуры. Именно поэтому в условиях советской политики памяти и антирелигиозной пропаганды постепенно исчезали с лица земли старинные кладбища, где покоились не только выдающиеся, но и «простые люди», которые, как тогда представлялось, не внесли своего ощутимого вклада в историю либо их «вклад» признавался деструктивным. Соответствующим этой позиции был и круг интересов немногочисленных советских некрополистов, довольно вяло продолжавших дореволюционную традицию описания и изучения старых кладбищ.

С распадом СССР, который стал одним из всемирно значимых событий, существенно повлиявших на отношение общества к истории и памяти, русская некрополистика начала повсеместно возрождаться в том виде, который был близок ее силь-

ной дореволюционной традиции. Краеведы бросились искать старые, часто уже снесенные кладбища и восстанавливать сведения о людях, некогда погребенных в их пределах. Заострение потребности россиян выстраивать новые социальные и культурные идентичности мотивировало обращаться к тем аспектам и сюжетам прошлого, которые ранее затенялись, не проговаривались публично, были маргинальными с точки зрения официального коммеморативного метанарратива. Так возрождались память о русских дворянах, дореволюционных священнослужителях, купцах и промышленниках, о белогвардейцах, «врагах народа» — жертвах политических репрессий, опальных деятелях культуры и, конечно, об эмигрантах, да и вообще, о лицах, по разным причинам умерших вдали от родины. Снятые с дальних полок библиотек фундаментальные дореволюционные издания, посвященные русскому некрополю за рубежом, над которыми трудились, главным образом, В. И. Чернопятав [1] и В. А. Андерсон [2], существенно дополнились на рубеже XX и XXI вв. рядом прежде слабо изученных материалов о русских кладбищах в разных регионах Европы и Азии. Были описаны и оформлены в виде справочных изданий русский некрополь под Парижем [3, 4], в Венеции [5], в Шанхае [6], а также обобщенно «за рубежом» [7]. Исследователи обратили внимание и на Японию, где также существуют старые русские кладбища. Стоит отметить, что некрополистикой часто занимаются не ученые, а журналисты, писатели, краеведы и путешественники. Однако исторический некрополь — это цен-

ный источник исторических, культурологических, антропологических и социологических исследований. Цель предлагаемой статьи — охарактеризовать степень изученности русского некрополя в Японии и определить возможности его дальнейших исследований в контексте современного уровня развития научного социально-гуманитарного знания.

Остановимся подробнее на значении понятия «некрополь». В переводе с греческого слово «некрополь» означает «город мертвых». Обычно «некрополями» называют комплексы погребений (кладбища, захоронения в храмах, могильники и пр.). Но современное научное определение некрополя шире, оно может включать: 1. совокупность захоронений в пределах одного кладбища или в масштабах города, области, государства; 2. сочетание захоронений и мемориальных памятников, рассматриваемых как произведения изобразительного искусства и литературы и как исторический источник; 3. сочетание захоронений (включая и места, где уничтожены мемориальные памятники) и комплекса источников по истории формирования и существования кладбищ, включая списки захоронений и литературу, посвященную данному вопросу [8, с. 141]. По нашему мнению, в последние годы существенным дополнением к этому списку можно признать разнообразные интернет-ресурсы, большинство из которых создается, разумеется, не учеными и даже не журналистами, а путешественниками и туристами, обращающими внимание на «русский след» за российской границей.

Японская историография русского некрополя в Японии. В Японии первое подробное описание русских могил было осуществлено в 1940 г. Т. Ногути. Им был составлен каталог «Надгробия русско-го кладбища», который сейчас хранится в музее Истории культуры г. Нагасаки. Затем в 1980-х гг. Х. Такэучи и М. Сирота провели повторную перепись, которая была опубликована в 1990 г. К. Киносита в своей книге «Спящие в Нагасаки европейцы», пытается совместить описанные Т. Ногути и ныне существующие захоронения [9, с. 25]. Вообще, в настоящее же время изучением российских захоронений занимаются либо исследователи русской диаспоры [10], либо краеведы [9]. Последние описывают все иностранные захоронения на территории определенного района.

Появление сколько-нибудь заметных русских кладбищ в Японии и их описаний связано с началом русско-японских отношений как таковых. После подписания Симодского трактата (1855 г.), для русских судов были открыты порты Симода, Хакодате и Нагасаки, а после подписания Айгунского и Пекинского договоров, когда Приамурье и Уссурийский край перешли в российское владение, в 1860 г. был основан военный пост Владивосток. Вновь присоединенные дальневосточные территории еще не были освоены и не имели развитой инфраструктуры. Российская армия закупала продовольствие в японских портовых городах, таких как Нагасаки и Хакодате.

Из-за климатических условий бухты Золотой Рог во Владивостоке, которая зимой замерзала, российские суда вынуждены были зимовать в Нагасаки, где появился русский район Инаса. Здесь же появилось и первое русское кладбище, описание которого присутствует в современной японской историографии. Так, К. Киносита сообщает, что первые захоронения относятся к 1858 г., в основном захоронения этого периода — могилы моряков,

в большинстве матросов, но встречаются и могилы офицеров. Также есть редкие могилы женщин и даже детей. Причина пребывания последних в Нагасаки, к сожалению, не установлена. Могил, относящихся к периоду до Русско-Японской войны, насчитывается более 120 [9].

Японская историография уделяет внимание также и следующему значимому этапу формирования русского некрополя в Японии — периоду Русско-Японской войны, повлекшей многочисленные жертвы среди русских военнослужащих, преданных земле на территории этой страны. Отмечается, что в Нагасаки имеются как индивидуальные могилы, так и коллективный памятник погибшим в море военным. Кроме того, здесь находится стела, возведенная в 1909 г. Российским правительством, которая посвящена погибшим во время Русско-Японской войны и японского плена российский подданным. В этом месте перезахоронены пленные, умершие в 29 различных местах Японии [9, с. 63].

После Октябрьской революции и Гражданской войны в России большое количество бывших граждан Российской империи эмигрировали за рубеж, Япония не стала исключением, здесь также появилась русскоговорящая диаспора. Следующий этап формирования российского некрополя, связанный именно с этой группой населения, изучался Ю. Куратой. Этим автором отмечено, что в Хакодате, в центре кладбища, расположены семь могил лиц, умерших между 1934 и 1944 гг. Большинство из них имеют надгробия в форме тумбы, но есть и могила с восьмиконечным крестом. Могила Дмитрия Швеца, успешного торговца пушниной, умершего в 1934 г., имеет персональный барельеф. Ю. Курата пишет о том, что русские женщины, вышедшие замуж за православных японцев, были похоронены на православном кладбище при церкви. Также она говорит о наличии захоронений без надгробий [10]. Из работы Т. Киносита также следует то, что на кладбище в Нагасаки имеется около 25 захоронений представителей первой волны российской иммиграции [9, с. 59]. Кроме того, имеются кладбища в Иокогаме, Кобе и множество локальных захоронений по всей Японии.

Особенности изучения русского некрополя в Японии российскими исследователями. Российская историография русских кладбищ в Японии начала формироваться сразу после Русско-Японской войны. В 1904–1905 гг. российская периодика фиксировала факты гибели русских моряков, реализуя задачи государственной политики памяти, состоявшие в посмертной героизации их подвигов. Сведения о погибших на фронте русских моряках с описанием их подвигов публиковались с 1905 г. в приложении к «Новому журналу иностранной литературы», выходившем под заголовком «Летопись Русско-Японской войны (по официальным данным, сведениям печати и показаниям очевидцев)». В 1905 г. отдельные выпуски этого издания были собраны и опубликованы единым изданием (переиздано в 2012 г.) [11], которое, однако, не давало общей, приведенной в систему информации о количестве жертв войны, а также о местах и характере их погребений.

В России современная историография отражает значительные успехи в прояснении этих вопросов, тем более что у российских ученых появилась возможность не только работать с письменными русскоязычными источниками по истории русского некрополя в Японии, но и проводить натурные

обследования сохранившихся к концу XX в. старых русских воинских кладбищ на Японских островах. Длительно и основательно их изучением занимался писатель и сценарист В. Г. Гузанов. Его первая публикация о русском некрополе в Японии вышла еще в 1990 г. [12].

В 1993 г. В. Г. Гузанов выпустил в соавторстве с японским автором М. Судзукавой книгу о русских воинских захоронениях времен Русско-Японской войны [13]. В этом уникальном издании, служащем примером удачной международной интеграции в области исследований памятных мест, чередуются разделы, написанные на русском и японском языках. Также двуязычны и приводимые в книге списки павших воинов. Издание иллюстрировано фотоснимками памятников и могил, а также дополнено текстами исторических источников революционного периода. В книге приводятся результаты обследования русских кладбищ в городах Мацуяма, Идзумиоцу и Нагасаки. Эта книга, выпущенная малым тиражом, не осталась незамеченной российскими читателями. В частности, высоко оценил ее значение доктор исторических наук Е. Ю. Бондаренко: «Такие послания из XIX и XX вв., имеющиеся в книге, являются как бы переключкой поколений, что особенно ценно для углубления взаимопонимания народов двух стран» [14].

В 2000 г. В. Г. Гузанов обобщил накопленные данные о русских воинских кладбищах на территории Японии в книге «И праху близких поклониться. Русские Воинские кладбища в Японии. Историческая хроника» [15]. Автор пояснил, что люди, погребенные на этих кладбищах, были преимущественно моряками. По версии В. Г. Гузанова, первым русским человеком, чье тело было предано земле в японском городе Немуро на севере острова Хоккайдо более двухсот лет назад, стал матрос Семен Мелетин, за могилой которого японцы до сих пор ухаживают. Автор книги выяснил, что к числу наиболее ранних кладбищ русских моряков относится некрополь в поселке Хэда, где покоятся жертвы цунами, плывшие в 1854 г. на корабле «Диана». Они прибыли в Японию с дипломатической миссией, которую возглавлял адмирал Ефим Путятин. Заслугой миссии стало подписание первого договора о мире и дружбе между Россией и Японией. В память об этом договоре и последовавшей за его заключением трагедией японская сторона сделала кладбище моряков мемориальным и организовала близ некрополя музей японо-русской дружбы, увековечивший память о «Диане».

Книга В. Г. Гузанова содержит также сведения о кладбище для иностранцев в Иокогаме, где есть некрополь русских моряков, формировавшийся в 1859–1905 гг., и о русском кладбище в городе Хакодате, где до основания Владивостока находился стационар для пополнения запасов боевых тихоокеанских кораблей. В качестве наиболее благоустроенного и ухоженного кладбища автор книги отметил большой русский воинский некрополь в Нагасаки, где покоятся матросы и офицеры, в числе которых есть защитники Порт-Артура.

В книге упоминаются также и кладбища русских военнопленных времен Русско-Японской войны. Сообщается, что переживший в 1945 г. советский плен японский писатель Сайгами, добровольно взял на себя обязанность ухаживать за русским воинским кладбищем, привлекая к этому занятию местных школьников. Эта инициатива, несомненно, отражает общие контексты преодоления сложного

прошлого, возможно, одновременно привлекает внимание к большому количеству японских захоронений интернированных в Сибирь японских военнопленных.

Еще одно кладбище, описанное в этой книге, расположено в прибрежном поселке Саруфуцу, где покоятся жертвы крушения советского парохода «Индирик», который сбился с курса по пути из Магадана во Владивосток. Сообщается, что в 1979 г., в год сорокалетия трагедии, это памятное место было использовано обществом «Япония—СССР» для открытия фестиваля японо-советской дружбы.

В. Г. Гузанов героизирует гибель всех русских моряков, похороненных в Японии, подчеркивая, однако, что из 1977 русских воинских могил в Японии 877 безымянны. Этот акцент задает мотив для дальнейшей поисковой деятельности, тем более что исследование некрополя открыло множество имен выдающихся людей, забытых в России. Отношение иностранцев к чужим воинским кладбищам на своей территории отражает грани истории дипломатии и международных отношений, позволяет рассмотреть некрополь как эмоционально значимый символ, используемый японцами в политической коммуникации с Россией, которая далеко не всегда находилась в добрососедских отношениях со своим дальневосточным соседом, однако в определенные исторические моменты стремилась искать компромиссы и разрешать конфликты дипломатическим путем.

Тема русского воинского некрополя в Японии и других странах Азиатско-Тихоокеанского региона нашла отражение также и в работах военного историка И. Ф. Шугалея, который характеризует обстоятельность и основные причины гибели моряков и военнопленных и указывает местоположение основных сохранившихся русских воинских кладбищ в Японии [16].

Среди новейших изданий, посвященных обзору русского некрополя в Японии, нельзя обойти вниманием богато иллюстрированную книгу историка А. А. Хисамутдинова «Русские кладбища в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [17]. По его наблюдению, исследователи русских кладбищ за рубежом чаще всего интересуются захоронениями моряков, казаков и офицеров, выявляя их по эпитафиям. Гораздо меньше изучен гражданский некрополь. Так, объем знаний о биографиях людей, некогда умерших и погребенных вдали от родины, оказывается прямо пропорциональным представлениям о русской общине за рубежом. Однако это издание добавляет не так много новых сведений к тем, которые уже приводились в работах В. Г. Гузанова. Книга Хисамутдинова содержит краткие описания на русском и английском языках памятников, установленных в местах гибели шхуны «Крейсерок» (1897 г.) и корабля «Алеут» (1877 г.), русского кладбища в Хакодате, где покоятся моряки и эмигранты первой волны, а также в Нагасаки, где сохранились захоронения как военных — жертв Русско-Японской войны, так и гражданских лиц. Отдельно отмечено существование еврейского кладбища, основанного выходцами из России, община которых после революции обосновалась в Нагасаки. А. А. Хисамутдинов фиксирует традицию устройства японцами отдельных кладбищ для иностранцев. Подобные старые «иностранные» кладбища, на которых есть русские могилы, сохранились в городе Kobe, куда в 1923 г. приехало много эмигрантов из России.

В их числе были евреи и мусульмане, что наглядно отразил некрополь. Упоминает Хисамутдинов и иностранное кладбище в Иокогаме, приводя снимки отдельных надгробий. В этом издании зафиксировано также существование памятников утонувшему русскому рыбаку Николаю Гаврилюку близ города Хондзэ и в Сарафуцу — у места, где затонул пароход «Индирикка».

Информация, содержащаяся в книге А. А. Хисамутдинова отличается справочным характером. Более детально и образно события, связанные с формированием русского некрополя в Японии, А. А. Хисамутдинов описал в другой своей книге «Русская Япония», где, в частности, излагается история крушения «Алеута» и «Крейсерка», торжественное погребение жертв Русско-Японской войны в Нагасаки в 1909 г., гибель «Индирикки» [18]. Эта работа, написанная в публицистическом стиле, отражает, обусловленные культурой, спецификой международных отношений и дипломатического этикета, восприятие японцами русских могил и памятников на своей земле, которые сохраняются на протяжении многих десятилетий.

Тема русских кладбищ в стране восходящего солнца также затрагивалась исследователями, занимавшимися историей царской дипломатии [19], военной эмиграции [20], медицинской помощи русским морякам в Японии [21], плена периода Советско-Японской войны [22] и русских диаспор. В контексте последней темы русскую часть иностранного кладбища в Кобе охарактеризовал П. Э. Подалко. Он установил местонахождение и критерии определения могил выходцев из России на иностранном кладбище. Подалко выявил этапы формирования некрополя российской диаспоры в Кобе, увязав эту периодизацию с этапами истории самой диаспоры. К заслугам этого историка, несомненно, стоит отнести реконструкцию биографий русских эмигрантов, купцов Ф. Д. Морозова и С. Д. Тарасенко, похороненных в этом японском городе, и установление кратких биографических сведений о других, некогда хорошо известных в эмигрантских кругах общественных деятелях, ученых, учителях, деятелях культуры [23].

Возможные перспективы изучения русского некрополя в Японии. Стоит отметить, что в работах историков проблема формирования и сохранения русского некрополя в Японии не являлась центральной. Между тем она представляет интерес не только с точки зрения патриотической задачи увековечения памяти о наших соотечественниках, встретивших смерть за рубежом, и сбора материала для биографических и генеалогических исследований. Исторический некрополь — это портрет сообщества, демонстрирующий его социальные характеристики, как, к примеру, представления о структуре и иерархии. Одновременно некрополь наглядно отражает специфику воспроизведения коммуникативной памяти сообществ как на уровне русских диаспор, так и на уровне межэтнических и международных отношений.

В этой связи, во-первых, перспективным представляется исследование трансформаций этнического и культурного самосознания русских эмигрантов в Японии, обусловленных ситуацией аккультурации и ослабления связи с исторической родиной. Этнографы и антропологи относят традиции, связанные с погребением усопших, к числу наиболее устойчивых в любой культуре. Однако XX в. для России стал периодом ломки традиций некрокультуры,

что было связано с политическими устремлениями и мировоззренческими установками советской власти. С каждым десятилетием кладбища в СССР заметно менялись, в то время как русские кладбища за рубежом могли еще долго оставаться внешне похожими на дореволюционные. Одних только фотоснимков кладбищ русских эмигрантов в Японии, опубликованных в книге А. А. Хисамутдинова, достаточно для того, чтобы заметить воспроизведение русскими общинами в Японии дореволюционных традиций оформления русского некрополя и в 1930-х, и в 1960-х гг., в то время как в СССР эти традиции воспроизводиться перестали. Приверженность эмигрантов ценностям дореволюционной некрокультуры характеризует их сообщество, как стремившееся сохранять в инокультурной среде свою культурную идентичность, которая, однако, естественным образом «гибридизировалась» под внешним воздействием. Можно предположить, что образ родины для русских эмигрантов и их потомков, как и для японцев, вынужденно покинувших Карафуто, мало соотносился с современностью. Судя по поздним каменным православным крестам на иностранных кладбищах в Японии, русские эмигранты хранили в своей коммуникативной памяти образы дореволюционной России, толком не зная или сознательно не принимая России советской. Эта гипотеза требует проверки на большем эмпирическом материале, который должен включать разные исторические источники: проявления, по выражению историка А. Эткинда [24], «твердой памяти» — собственно надгробия эмигрантов, сохранившиеся на старых иностранных кладбищах в Японии, а также проявления «мягкой памяти» — мемуары, публицистические и художественные произведения эмигрантов, дополняющие каменные монументы и памятники, уточняющие и углубляющие их смыслы, а значит, и способные помочь в решении задач интерпретации некрополя.

Исследование исторического некрополя способно расширить представление о и поколенческой динамике культурного самосознания русских эмигрантов в Японии. Особенно интересным в этом смысле может стать сравнение характера погребений эмигрантов на старых и более новых японских кладбищах. На наш взгляд, представляют несомненный интерес и практики современных русских эмигрантов, живущих в Японии, связанные с похоронами и поминовением усопших, а также увековечением памяти о значимых для сообществ эмигрантов земляков.

Коммуникативные практики современного общества немислимы без Интернета. Всепроникающая медийная среда оказывает воздействие и на некрополь, как на коммеморацию, фиксирующую, хранящую, транслирующую и актуализирующую память. С появлением социальных сетей стало гораздо проще представлять публично новые исторические конструкции и версии истории, актуальной для отдельных сообществ, в том числе для диаспор, свободно создающих в виртуальном пространстве репрезентации своей коллективной памяти. Сегодня жизненный опыт любого индивида может оцениваться как исторически значимый в контексте той или иной версии истории и памяти. Любая биография, любые устные свидетельства, личные документы и фотографии могут стать опорой той или иной исторической конструкции. Формы и способы увековечения памяти о выходцах из России, живших и умерших в Японии посред-

ствам использования пространства Интернета, за-служивают, на наш взгляд, также пристального исследовательского внимания, тем более, если расценивать атомизацию общества и «жизнь в виртуальном пространстве», вытесняющую реальное общение между людьми в качестве значимых трендов социальной действительности.

Во-вторых, исследуя особенности русского некрополя в Японии, целесообразно обратить внимание и на аспект его рецепции местными жителями — представителями титульной нации, которое отражает восприятие самой России и русских. Историческая динамика образов России и россиян в сознании японцев неоднократно становилась предметом анализа отечественных востоковедов, которыми выявлены общие тенденции изменений представлений японцев о России и россиянах, определена зависимость этих образов от контекстов внешней политики и культурных контактов между странами, установлены стереотипы взаимовосприятия [25—27]. Проследив различные проявления отношения японцев к русским кладбищам, можно существенно дополнить и уточнить выводы, уже существующие в отечественной историографии.

Любопытно, что тема русского кладбища в Японии вдохновила в 2019 г. японских кинематографистов на создание художественного фильма «Сорокин, который увидел сакуру», вышедшего в России годом позже под названием «В плену у сакуры» (режиссер Масаки Иноуэ). Это история любви русского военнопленного и японской медсестры на фоне событий Русско-Японской войны. Завязка фильма строится на сюжете о съемках репортажа, посвященного отлично сохранившемуся кладбищу в Муцуяма, где покоятся русские военнопленные. Картина в целом выражает ценностное отношение японцев к русскому некрополю как к фрагменту историко-культурного наследия и месту, связанному с еще актуальной социальной памятью.

С точки зрения коллективной памяти какого-либо сообщества, сохранившийся некрополь — это символический след, подтверждающий «наше» давнее присутствие в конкретном локусе, а значит, и претензию на освоение, обладание хотя бы его частью, хотя бы лишь в некоторых смыслах, а также символическое согласие хозяев территории на чужое присутствие в их культурном и социально-политическом пространстве. Казалось бы, преемственность русской некрокультуры в чужих краях выражает стремление диаспоры сохранять свою национальную культуру и идентичность за рубежом. В этом отношении особенно примечательны воинские кладбища, как островки русской культуры, символ русского в инокультурной среде. Однако показательно, что сохранность русских кладбищ за рубежом во многом обеспечивалась не самими русскими диаспорами, а местными администрациями при участии местных же жителей, что было обусловлено различными причинами, прежде всего, связанными с политикой памяти, а также с традициями японской культуры некрополя. Выяснение этих причин может стать темой самостоятельного исследования.

В-третьих, хорошее состояние русского исторического некрополя в Японии свидетельствует о его включенности в процессы политической коммуникации японского государства как с собственными гражданами, принимающими участие в уходе за русскими могилами, так и с зарубежными партнерами, прежде всего с Россией. В Японии неод-

нократно устраивались приуроченные к решению задач внешней политики официальные мемориальные мероприятия в местах гибели русских судов. Внимание государства к иностранным кладбищам и памятникам россиянам на территории Японии, а также широкое освещение в СМИ официальных мероприятий, связанных с посещениями русских памятных мест в Японии и их реконструкцией, отражает попытки субъектов власти устанавливать и укреплять дружественные контакты с Россией, а также формировать в сознании японского населения позитивные образы нашей страны. Дальнейшее исследование особенностей государственной политики памяти в Японии в прошлом и в современности, выражающейся в акцентах внимания на русском некрополе, также, на наш взгляд может стать перспективным.

Заключение. Подводя итоги, необходимо отметить, что исторический некрополь занимает особое место в мемориальной культуре и имеет особую ценность как объект культурного наследия. Некрополь — это всегда сложно устроенная система памятных мест, отражающая этнические, национальные, религиозные, социально-политические и иные характеристики сообщества в исторической ретроспективе. Некрополь — это невысказанный опыт, интерпретируя который возможно приблизиться к пониманию того, как меняется представление общества о должном сроке бытования памяти, о том, кто, как и почему должен помнить усопших, как эта память связана с представлениями сообщества о самом себе. Изучение проблем русского кладбища за рубежом может способствовать существенному углублению и расширению научных представлений о специфике трансформаций этнического и культурного самосознания выходцев из России в инокультурной среде, о взаимовосприятии русских эмигрантов и населения страны, где они обосновались, об использовании русского культурного наследия за рубежом в целях государственной политики памяти. На сегодняшний день русские кладбища в Японии хорошо описаны некрополистами. Настало время перейти к их изучению в опоре на подходы культурологии, этнологии, социальной истории и политических наук.

Библиографический список

1. Чернопяттов В. И. Русский некрополь за границей. В трех вып. Москва: Типография Московского императорского университета, 1908—1913.
Вып. 1. 1908. 66 с.
Вып. 2. 1909. 47 с.
2. Андерсон В. М. Русский некрополь в чужих краях. Париж и его окрестности. Москва: Книга по требованию, 2011. 127 с. ISBN 978-5-458-09704-8.
3. Шулепова Э. А. Русский некрополь под Парижем. Москва: Российский институт культурологии, 1993. 95 с. ISBN 5-87670-008-8.
4. Русский некрополь Сент-Женевьев-де-Буа. Evgu: Vulcano, 2008. 146 с. ISBN 0564-БН2-071019-76.
5. Талалай М. Г. Вдохновительница наших успокоений: российский некрополь в Венеции. Москва: Старая Басманная, 2013. 81 с. ISBN 978-5-904043-99-5.
6. Шаронова В. Г. Некрополь русского Шанхая. Москва: Старая Басманная, 2013. ISBN 978-5-906470-13-3.
7. Незабываемые могилы: российское зарубежье: некрологи 1917—1997. В 6 т. / Сост. В. Н. Чуваков. Москва: Пашков дом. 1999—2007.
Т. 1. 1999. 659 с. ISBN 5-7510-0169-9.

- Т. 2. 1999. 647 с. ISBN 5-7510-0170-2.
8. Шокарев С. Ю. Русский средневековый некрополь: обряды, представления, повседневность (на материалах Москвы XIV–XVII вв.) // Культура памяти: сб. науч. ст. Москва: Древлехранилище, 2003. С. 141–187. ISBN 5-93647-056-8.
9. Kinoshita T. Nagasaki ni nemuru seyojin: Nagasaki kokusai bochi bohi wo meguru. Nagasaki: Nagasaki bunkensha, 2009. 321 p. ISBN 978-4-88851-128-5.
10. Kurata Y. Hakodate roshiajin bochi—bohi no nai roshiahito o megutte // Hakodate nichiro kōryū-shi kenkyūkai kaihō. URL: <http://hakodate-russia.com/main/letter/39-1.html> (дата обращения: 05.11.2021).
11. Бугаков Ф. И. Иллюстрированная летопись Русско-Японской войны. Москва: Книга по Требованию, 2012. 588 с. ISBN 978-5-458-24259-2.
12. Гузанов В. Г. Всех поимённо назвать: Русский некрополь в Японии // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 3. С. 100–109.
13. Гузанов В. Г., Судзукава М. Русские воинские кладбища в Японии: Поиски и находки. Страница истории Русско-Японской войны 1904–1905 гг. (Могилы русских воинов в Японии 1904–1905 гг.). Осака: б.и., 1993. 173 с.
14. Бондаренко Е. Ю. Могилы русских воинов в Японии: поиски и находки: рецензия // Россия и АТР. 2010. № 1. С. 175–176.
15. Гузанов В. Г. И праху близких поклониться. Русские Воинские кладбища в Японии. Историческая хроника. Москва: Япония сегодня, 2000. 126 с.
16. Шугалей И. Ф. Воинские захоронения Русско-Японской войны в Китае, Корее и Японии // Россия и АТР. 2004. № 2. С. 96–101.
17. Хисамутдинов А. А. Русские кладбища в Азиатско-Тихоокеанском регионе: моногр. Владивосток: Изд-во ДВУ, 2015. 137 с. ISBN 978-5-906739-65-0.
18. Хисамутдинов А. А. Русская Япония. Москва: Вече, 2010. 399 с. ISBN 978-5-9533-4918-5.
19. Подалко П. Э. Япония в судьбах россиян: очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии. Москва: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. 351 с. ISBN 5-89282-230-3.
20. Годин В. И. Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск; Мурманск: Солти, 2005. 614 с. ISBN 5-7536-0147-2.
21. Павлов Д. Б. Русский военно-морской лазарет в Нагасаки, 1858–1906 гг. (исторический очерк по российским источникам) // Ежегодник Японии. 2010. № 39. С. 252–273.
22. Карасев С. В. Проблемы плена в советско-японской войне и их последствия (1945–1956 гг.). Иркутск: Изд-во Иркутского гос. техн. ун-та, 2006. 353 с. ISBN 5-8038-0408-8.
23. Подалко П. Э. Русская колония в Кобе. Исторический обзор // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. 1998. № 5. С. 200–226.
24. Эткинд А. Кривое горе. Память о непогребенных / пер. В. Макаров; ред. И. Калинин. 2-е изд. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 323 с. ISBN 978-5-444-80738-5.
25. Воробьева П. Ф. Стереотипные образы России и Японии (по материалам социологического опроса и обзорного анализа литературы) // Ежегодник Японии. 2008. № 37. С. 162–181.
26. Михайлова Ю. Д. Некоторые черты «образа России» в Японии // Япония 2001–2002. Ежегодник / гл. ред. Э. В. Молодякова. Москва: Макс-пресс, 2002. С. 298–310.

КРАСИЛЬНИКОВА Екатерина Ивановна, доктор исторических наук, доцент (Россия), профессор кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета, г. Новосибирск.

SPIN-код: 6268-8326

AuthorID (РИНЦ): 527069

ORCID: 0000-0003-0014-0655

Адрес для переписки: katrina97@yandex.ru

ПАЙЧАДЗЕ Светлана Сергеевна, PhD, доцент исследовательского факультета медиа и коммуникации Университета Хоккайдо, г. Саппоро.

Адрес для переписки: svetaalvarez@imc.hokudai.ac.jp

Для цитирования

Красильникова Е. И., Пайчадзе С. С. Русский некрополь в Японии: проблемы и перспективы изучения // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 18–25. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-18-25.

Статья поступила в редакцию 10.11.2021 г.

© Е. И. Красильникова, С. С. Пайчадзе

¹ Novosibirsk State
Technical University,
Novosibirsk, Russia

² Hokkaido University,
Sapporo, Japan

THE RUSSIAN NECROPOLIS IN JAPAN: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR STUDYING

The paper is devoted to a historiographical review of the literature dedicated to the study of the history of the Russian necropolis in Japan and the prospects for further research on this topic. The external conditions of increasing interest in the topic of the history of the Russian necropolis abroad are characterized. The definition of the historical necropolis is given. The review is structured according to the chronological principle. The main studies of Japanese and Russian historians are revealed. The authors identified the primary studies in Russian and Japanese and concluded that is not much research on the history of the Russian necropolis in Japan until the end of the twentieth century, but the relevance of this topic in the past three decades. The paper shows the predominant exhaustion of the subject within the framework of traditional necropolistics. The paper proposes possible options for further study of the history of the Russian necropolis in Japan within discipline Memory studies and also with the use of cultural anthropology, social history and political sciences approaches.

Keywords: necropolistics, Russian historical necropolis, historical memory, cultural and historical heritage, cultural anthropology, Japan.

References

1. Chernopyatov V. I. Russkiy nekropol' za granitsey. V 3 vyp. [Russian necropolis abroad. In 3 Issue]. Moscow, 1908–1913. (In Russ.).
Vyp. 1 [Issue 1]. 1908. 66 p. (In Russ.).
Vyp. 2 [Issue 2]. 1909. 47 p. (In Russ.).
2. Anderson V. M. Russkiy nekropol' v chuzhikh krayakh. Parizh i ego okrestnosti [Russian necropolis in foreign lands. Paris and its surroundings.]. Moscow, 2011. 127 p. ISBN 978-5-458-09704-8. (In Russ.).
3. Shulepova E. A. Russkiy nekropol' pod Parizhem [Russian necropolis near Paris]. Moscow, 1993. 95 p. ISBN 5-87670-008-8. (In Russ.).
4. Russkiy Nekropol' Sent-Zhenev'yev-de-Bua [The Russian Necropolis of Saint-Genevieve-de-Bois]. Evry, 2008. 146 p. ISBN 0564-BN2-071019-76. (In Russ.).
5. Talalay M. G. Vdokhnovitel'nitsa nashikh uspokoyeniy: rossiyskiy nekropol' v Venetsii [The inspirer of our reassurances: the Russian necropolis in Venice]. Moscow, 2013. 81 p. ISBN 978-5-904043-99-5. (In Russ.).
6. Sharonova V. G. Nekropol' russkogo Shankhaya [Necropolis of Russian Shanghai]. Moscow, 2013. ISBN 978-5-906470-13-3. (In Russ.).
7. Nezabytyye mogily: rossiyskoye zarubezh'ye: nekrologi: 1917–1997. V 6 t. [Not Forgotten Graves: Russian Abroad: Obituaries 1917–1997. In 6 vols.] / Comp. V. N. Chuvakov. Moscow, 1999–2007. (In Russ.).
T. 1 [Vol. 1]. 1999. 659 p. ISBN 5-7510-0169-9. (In Russ.).
T. 2 [Vol. 2]. 1999. 647 p. ISBN 5-7510-0170-2. (In Russ.).
8. Shokarev S. Yu. Russkiy srednevekovyy nekropol': obryady, predstavleniya, povsednevnost' (na materialakh Moskvyy XIV–XVII vv.) [The Russian medieval necropolis: rituals, performances, everyday life (based on materials from Moscow of the XIV–XVII centuries)] // Kul'tura pamyati. *Kul'tura Pamyati*. Moscow, 2003. P. 141–187. ISBN 5-93647-056-8. (In Russ.).
9. Kinoshita T. Nagasaki ni nemuru seyojin: Nagasaki kokusai bochi bohi wo meguru [Nagasaki Nemuru Seyojin: Nagasaki Kokusai Bochi Bohi]. Nagasaki, 2009. 321 p. ISBN 978-4-88851-128-5. (In Jap.).
10. Kurata Y. Hakodate roshiajin bochi — bohi no nai roshiahito o megutte // Hakodate nichiro kōryū-shi kenkyūkai kaihō [Hakodate Russian Cemetery-Around the Russians in the Tombstone] // Hakodate nichiro kōryū-shi kenkyūkai kaihō. URL: <http://hakodate-russia.com/main/letter/39-1.html> (accessed: 05.11.2021). (In Jap.).
11. Bulgakov F. I. Illyustrirovannaya letopis' russko-yaponskoy voyny [Illustrated Chronicle of the Russian-Japanese War]. Moscow, 2012. 588 p. ISBN 978-5-458-24259-2. (In Russ.).
12. Guzanov V. G. Vsekh poimanno nazvat': Russkiy nekropol' v Yaponii [To call all by name: Russian necropolis in Japan] // Problemy Dal'nego Vostoka. *Problems of the Far East*. 1990. No 3. P. 100–109. (In Russ.).
13. Guzanov V. G., Sudzukava M. Russkiye voinskiye kladbishcha v Yaponii: Poiski i nakhodki. Stranitsa istorii russko-yaponskoy voyny 1904–1905 gg. (Mogily russkikh voynov v Yaponii 1904–1905 gg.) [Russian military cemeteries in Japan: Searches and finds. Page of the history of the Russian-Japanese War of 1904–1905. (Graves of Russian soldiers in Japan 1904–1905)]. Osaka, 1993. 173 p. (In Russ.).
14. Bondarenko E. Yu. Mogily russkikh voynov Yaponii: poiski i nakhodki: retsenziya [The Russian fighting men graves in Japan. Searches and finds] // Rossiya i ATR. *Russia and the Pacific*. 2010. No. 1. P. 175–176. (In Russ.).

15. Guzanov V. G. I prakhu blizkikh poklonit'sya. Russkiye Voinskiye kladbishcha v Yaponii. Istoricheskaya khronika [And bow to the ashes of loved ones. Russian Military cemeteries in Japan. Historical chronicle]. Moscow, 2000. 126 p. (In Russ.).
16. Shugaley I. F. Voinskiye zakhroneniya Russko-Yaponskoy voyny v Kitaye, Koreye i Yaponii [Military burial grounds of the victims of the Russo-Japanese War in China, Korea and Japan] // *Rossiya i ATR. Russia and the Pacific*. 2004. No. 2. P. 96–101. (In Russ.).
17. Khisamutdinov A. A. Russkiye kladbishcha v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [The Russian Necropolis on the Pacific]. Vladivostok, 2015. 137 p. ISBN 978-5-906739-65-0. (In Russ.).
18. Khisamutdinov A. A. Russkaya Yaponiya [Russian Japan]. Moscow, 2010. 399 p. ISBN 978-5-9533-4918-5. (In Russ.).
19. Podalko P. E. Yaponiya v sud'bakh rossiyan: ocherki istorii tsarskoy diplomatii i rossiyskoy diaspory v Yaponii [Japan in the Fate of Russians: essays on the history of Tsarist diplomacy and the Russian Diaspora in Japan]. Moscow, 2004. 351 p. ISBN 5-89282-230-3. (In Russ.).
20. Goldin V. I. Rokovoy vybor. Russkoye voyennoye Zarubezh'ye v gody Vtoroy mirovoy voyny [Fatal choice. Russian military Abroad during the Second World War]. Arkhangelsk; Murmansk, 2005. 614 p. ISBN 5-7536-0147-2. (In Russ.).
21. Pavlov D. B. Russkiy voyenno-morskoy lazaret v Nagasaki, 1858–1906 gg. (istoricheskiy ocherk po rossiyskim istochnikam) [Russian Naval infirmary in Nagasaki, 1858–1906. (Historical essay on Russian sources)] // *Ezhegodnik Yaponiya. Yearbook Japan*. 2010. No. 39. P. 252–273. (In Russ.).
22. Karasev S. V. Problemy plena v sovetsko-yaponskoy voyne i ikh posledstviya (1945–1956 gg.) [The Problems of captivity in the Soviet-Japanese War and their consequences (1945–1956)]. Irkutsk, 2006. 353 p. ISBN 5-8038-0408-8. (In Russ.).
23. Podalko P. E. Russkaya koloniya v Kobe. Istoricheskiy obzor [Russian colony in Kobe. Historical review] // *Izvestiya Vostochnogo instituta Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta. Izvestiya Vostochnogo Instituta Dal'nevostochnogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 1998. P. 200–226. (In Russ.).
24. Etkind A. Krivo gore. Pamyat' o nepogrebennykh [The Memory of the unburied] / trans. V. Makarov; ed. I. Kalinin. 2nd ed. Moscow, 2016. 323 p. ISBN 978-5-444-80738-5 (In Russ.).
25. Vorob'yeva P. F. Stereotipnyye obrazy Rossii i Yaponii (po materialam sotsiologicheskogo oprosa i obzornogo analiza literatury) [Stereotypical images of Russia and Japan (based on the materials of a sociological survey and a review analysis of literature)] // *Ezhegodnik Yaponiya. Yearbook Japan*. 2008. No. 37. P. 162–181. (In Russ.).
26. Mikhaylova Yu. D. Nekotoryye cherty «obraza Rossii» v Yaponii [Some features of the «image of Russia» in Japan] // *Yaponiya 2001–2002. Ezhegodnik. Japan 2001–2002. Yearbook* // Ed. E. V. Molodyakova. Moscow, 2002. P. 298–310. (In Russ.).

KRASILNIKOVA Ekaterina Ivanovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of History and Political Department, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk.

SPIN-code: 6268-8326

AuthorID (RSCI): 527069

ORCID: 0000-0003-0014-0655

Correspondence address: katrina97@yandex.ru

PAICHADZE Svetlana Sergeyevna, PhD, Associate Professor of Research Faculty of Media and Communication, Hokkaido University, Sapporo, Japan. Correspondence address: svetaalvarez@imc.hokudai.ac.jp

For citations

Krasilnikova E. I., Paichadze S. S. The Russian necropolis in Japan: problems and prospects for studying // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2022. Vol. 7, no. 2. P. 18–25. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-18-25.

Received November 10, 2021.

© E. I. Krasilnikova, S. S. Paichadze